

РИЧАРД ОСМАН

КЛУБ УБИЙСТВ ПО ЧЕТВЕРГАМ
БЕРЕТСЯ ЗА НОВОЕ ДЕЛО

Человек,
Который умер
ДВАЖДЫ

перевод Галины Соловьёвой

детектив

МИО

Сильвия Финч гадает, как долго она еще выдержит.

*Шаг, другой, замшевые туфельки темнеют,
промокая в осенних лужах.*

*Смерть витает вокруг нее, как легкий туман.
Пропитывает ее волосы и одежду.
Наверняка прохожие это замечают.*

*Можно ли избавиться от этого? Сильвия надеется,
что да, и одновременно надеется, что нет.*

*Когда ей в последний раз по-настоящему везло?
Когда случилось такое, что дало бы надежду?*

*Пока Сильвия набирает код замка,
из-за туч прорывается солнце.*

Она заходит в здание.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Друзья вас непременно
навестят*

В следующий четверг...

— Одна женщина из Рёскин-корта сказала мне, что сидит на диете, — сообщает Джойс, допивая вино из бокала. — В восемьдесят два!

— Ходунки полнят, — говорит Рон. — Рядом с их тонкими ножками кажешься толще.

— Кому нужна диета в восемьдесят два года? — вопрошает Джойс. — Что с тобой случится от сосиски в тесте? Убьет она тебя? Пусть сперва встанет в очередь!

Очередное собрание Клуба убийств по четвергам подходит к концу. На этой неделе рассматривали очень старое дело владельца газетного киоска из Гастингса. Мужчина пристрелил из арбалета вломившегося к нему незваного гостя. Киоскера сперва арестовали, но затем вмешались СМИ, единодушно заявив, что человек — ради всего святого! — имеет право защищать с оружием свою собственность. Так он оказался на свободе с гордо поднятой головой.

Правда, спустя месяц или около того полиция обнаружила, что убитый нарушитель встречался с юной дочерью киоскера, а за самим киоскером числилось немало «нанесений тяжких телесных повреждений», но к тому времени все забылось. В конце концов, это был 1975 год. Никакого видеонаблюдения, да и шум поднимать никто не захотел.

— Как вы думаете, собака — хороший компаньон? — спрашивает Джойс. — Я размышляю, то ли собаку мне завести, то ли «Инстаграм».

— Я не советовал бы, — отзывается Ибрагим.

— Да ты ничего не советовал бы, — говорит Рон.

— В общем-то да, — соглашается Ибрагим.

— Я имею в виду небольшую собаку, конечно, — объясняет Джойс. — Для большой у меня нет подходящего пылесоса.

Джойс, Рон, Ибрагим и Элизабет наслаждаются обедом в ресторане, расположенном в самом сердце поселка Куперсчейз. На столике перед ними — бутылка красного вина и бутылка белого. На часах — примерно четверть двенадцатого.

— Только не заводи маленькую собачку, Джойс, — предупреждает Рон. — Маленькие собачки — как маленькие мужчины. Вечно пытаются что-то доказать. Тявкают как ненормальные, облаивают машины.

Джойс кивает.

— Тогда, может быть, среднего размера? А, Элизабет?

— М-м-м, неплохая мысль, — отвечает Элизабет, которая вообще-то и не слушает. Да и как она могла слушать, получив такое письмо?

Хотя общую мысль она все же ухватила. Элизабет всегда начеку — ведь никогда не угадаешь, что за важные сведения могут упасть прямо тебе в руки. За свою жизнь она наслушалась всякого. Обрывок разговора в берлинском баре, болтовня русского матроса, сошедшего на берег в Триполи... А сегодня, в сонный кентский четверг, за обедом в поселке пенсионеров выяснилось, что Джойс вздумала завести собаку, завязалась дискуссия о размерах, Ибрагим сомневается. Но у Элизабет на уме другое.

Письмо было подсунуто под ее дверь невидимой рукой.

Милая Элизабет,

помнишь ли ты меня? Возможно, и нет, но я без всякого зазнайства полагаю, что могла бы запомнить.

Жизнь снова сотворила чудо, и я, переехав на этой неделе, узнал, что мы теперь соседи! Какая компания для меня! Ты, верно, скажешь: «Пуускают теперь кого попало!»

Да, мы давненько не виделись, но, думаю, чудесно будет возобновить знакомство спустя столько лет.

Не зайдешь ли ко мне выпить в Рёскин-корт, 14? Устроим небольшой праздник в честь новоселья. Если да, как насчет завтра в три часа дня? Можешь не отвечать, все равно буду ждать тебя с бутылочкой вина.

Право, я буду рад тебя увидеть! Так много всего нужно обсудить! Сколько воды утекло под тем мостом и так далее...

Я очень надеюсь, что ты меня помнишь, и очень надеюсь завтра с тобой встретиться.

Твой старый друг,

Маркус Кармайкл

С тех пор письмо не выходило у Элизабет из головы.

В последний раз она видела Маркуса Кармайкла в ноябре 1981 года, очень темной и холодной ночью у моста Ламбет; вода в Темзе стояла низко, и пар от нее клубился в морозном воздухе. Они прибыли туда группой, по одному человеку каждой специальности, с Элизабет во главе. Приехали в белом фургоне «Форд-Транзит», облезлом снаружи и, судя по надписи, принадлежавшем фирме «Г. Проктор: окна, водостоки, любые работы»; однако внутри фургон блестел и был битком набит разными кнопками и экранами. Молодой констебль натянул сигнальную ленту вокруг участка береговой полосы и набережной Альберта.

Элизабет и ее команда, рискуя жизнью, спустились по скользким замшелым ступеням. Отлив оставил на берегу труп — почти в сидячем положении, он был прислонен к ближайшей каменной опоре моста. Элизабет проследила, чтобы необходимые процедуры провели по всей форме. Один из членов ее группы осмотрел одежду и обшарил карманы толстого пальто, фотограф — молодая женщина из Хайгейта — сделала снимки, а врач констатировал смерть. Очевидно, покойник спрыгнул в Темзу выше по течению. Или его столкнули. Решать как и что — дело коронера. Все будет зафиксировано в докладе и передано кому следует, а Элизабет просто поставит подпись внизу листа. Чисто и аккуратно.

Обратный путь по скользким ступеням с трупом на армейских носилках занял некоторое время. Молодой констебль, взволнованный тем, что его пригласили на осмотр тела, упал и сломал лодыжку. Только этого им не хватало. Ему объяснили, что пока не смогут вызвать скорую, и он принял это вполне достойно. Через несколько

месяцев констебль получил непредвиденное повышение по службе, так что страдал не так уж долго.

Наконец ее маленький отряд добрался до набережной и загрузил труп в белый фургон «любые работы».

Все разошлись, за исключением Элизабет и врача, которые отправились сопроводить тело до хэмпширского морга. Она прежде не работала с этим врачом: грузный, краснолицый, с сединой в темных усах — в целом довольно интересный человек. Запоминающийся. Пока доктор не задремал, они поговорили об эвтаназии и крикете.

Ибрагим жестикулирует бокалом.

— Боюсь, я вообще не рекомендовал бы вам заводить собаку, Джойс, ни маленькую, ни среднюю, ни большую. В вашем-то возрасте.

— Ну начинается, — вставляет Рон.

— Средняя собака, — рассуждает Ибрагим, — вроде терьера или, к примеру, джек-рассела, живет около четырнадцати лет.

— Кто это тебе сказал? — спрашивает Рон.

— Это мне сказали в клубе собаководства, так что все вопросы к ним, Рон. У тебя есть к ним вопросы?

— Нет, мне хватает тебя.

— Так вот, Джойс, — продолжает Ибрагим. — Вам семьдесят семь?

— В следующем году будет семьдесят восемь, — кивает Джойс.

— Само собой, — соглашается Ибрагим. — Итак, давайте посмотрим, какова ожидаемая продолжительность жизни для человека семидесяти семи лет.

— О да! — радуется Джойс. — Я очень люблю такие вещи. Как-то раз на причале мне погадали на Таро. Гадалка пообещала, что я разбогатею.

— В частности, мы должны определить, каковы ваши шансы прожить дольше, чем живет собака среднего размера.

— Не понимаю, почему ты так и не женился, старина, — обращается к Ибрагиму Рон, доставая из стоящего на столе кулера белое вино. — С твоим-то красноречием! Кому добавить?

— Спасибо, Рон, — говорит Джойс. — Лей до краев, чтобы не пришлось доливать.

Ибрагим продолжает:

— Имеется пятьдесят один процент вероятности, что семидесятисемилетняя женщина проживет еще пятнадцать лет.

— Славно, — отзывается Джойс. — Кстати, я так и не разбогатела.

— Итак, если вы сейчас возьмете собаку, Джойс, переживете ли вы ее? Вот в чем вопрос.

— Я чисто назло пережил бы, — заявляет Рон. — Мы с ней сидели бы по углам и тарачились бы друг на друга: чья возьмет. Я не уступил бы. Это как в семьдесят восьмом на переговорах с Британской автомобилестроительной компанией. Когда один из них первым вышел отлить, я понял, что мы их сделаем. — Рон глотнул вина. — Никогда не уходи в туалет первым. Хоть узлом завяжись, но с места не двигайся.

— Посмотрим правде в глаза, Джойс, — продолжает Ибрагим. — Может, да, а может, и нет. Пятьдесят один

процент. Все равно что монетку подкинуть, и, по моему мнению, так рисковать не стоит. Человек не должен умирать раньше своей собаки.

— Это что, древнеегипетская поговорка или наставление старого психотерапевта? — интересуется Джойс. — Или вы только что это придумали?

Ибрагим снова чокается с Джойс бокалом, давая понять, что с мудростями еще не закончил.

— Умирать надо раньше детей, потому что их мы научили жить без нас. Но нельзя умирать раньше собаки. Ее мы учим жить с нами.

— Ну спасибо, Ибрагим, вы дали мне пищу для размышлений, — говорит Джойс. — Хотя звучит это все несколько бездушно. Как тебе кажется, Элизабет?

Элизабет ее слышит, но мысленно она все еще едет в белом фургоне с трупом и усатым доктором. Это не единственный подобный случай в карьере Элизабет, однако достаточно необычный, чтобы запомниться: всякий, кто знал Маркуса Кармайкла, с этим согласился бы.

— А ты сломай систему Ибрагима, — советует она. — Возьми старую собаку.

И вот опять Кармайкл, столько лет спустя. Что ему надо? Дружеская беседа? Уютный вечер воспоминаний у зажженного камина? Кто знает.

Счет подает новая официантка. Зовут ее Поппи, на запястье у нее вытатуирована маргаритка. Поппи работает в ресторане уже две недели, но пока показывает не лучшие результаты.

— Вы принесли нам счет двенадцатого стола, Поппи, — замечает Рон.

Поппи кивает:

— Ой, да... вот я дурочка... А это какой?

— Пятнадцатый, — отвечает Рон. — Это можно узнать по большому номеру «пятнадцать» на свече.

— Извините, — смущается Поппи. — Всего-то и нужно запомнить, что гости будут есть, принести им заказы, и еще номера... Рано или поздно я с этим разберусь.

Она уходит обратно на кухню.

— Очень дружелюбная девушка, — говорит Ибрагим, — но для этой роли она плохо подходит.

— Зато у нее прекрасный маникюр, — вставляет Джойс. — Безупречный. Верно ведь, безупречный, Элизабет?

— Безупречный, — кивает Элизабет.

И это не единственное, что она заметила у Поппи, которая появилась здесь невесть откуда со своим маникюром и незнанием дела. Но сейчас у Элизабет на уме другое, поэтому загадка Поппи подождет до другого раза.

Элизабет повторяет в уме текст письма:

«...Помнишь ли ты меня?... Сколько воды утекло под тем мостом...»

Помнит ли Элизабет Маркуса Кармайкла? Смешной вопрос! Мертвое тело Маркуса Кармайкла она нашла во время отлива под мостом через Темзу. Глухой ночью она помогала поднимать его по скользким ступеням. Она сидела в шаге от него в белом «Транзите» с рекламой службы мытья окон и чистки водосточков. Она сообщила о его смерти молодой жене и, отдавая дань приличиям, стояла у могилы на похоронах.